

2. Галицкая И. Л. Загадка Селинджера. / И. Л. Галицкая. // Загадки известных книг. – М. : Наука, 1986 – 128 с.
3. Еременко О. В. Дж. Селінджер. «Над прірвою у житті. Тринадцятий апостол? Образ головного героя роману з погляду літературознавця / О. В. Еременко // Всесвітня література в сер. навч. закл. України. – 2000. – № 4. – С. 56-58.
4. Зверев А.М. Сэлинджер: тоска по неподдельности / А. М. Зверев. // Сэлинджер Дж. Д. Выше стропила, плотники: Повести, рассказы. – Харьков : Фолио, 1999. – С. 472-479.
5. Конева Т. М. «Безодня, в яку ти летиш...»: Матеріали до вивчення роману Дж. Д. Селінджера «Над прірвою у житті» / Т. М. Конева // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 1998. – №5. – С. 47-48.
6. Селінджер Дж. Д. Над прірвою у житті: Повісті, оповідання. / Дж. Д. Селінджер // К. : Молодь, 1984. – 272 с.
7. Сэлинджер Дж. Д. Выше стропила, плотники: Повести, рассказы. / Дж. Д. Сэлинджер. – Харьков : Фолио, 1999. – 479 с.

УДК 821.161.1

С.Е. Трунин
(Минск, Беларусь)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА В. НАБОКОВА КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В РОМАНЕ Д. ГАЛКОВСКОГО «БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК»

У статті розглядається рецепція англомовних текстів В. Набокова в романі Д. Галковського «Безконечна безвихідь», особливості авторської рефлексії і вплив класика на концепцію роману. Досліджуються теми і проблеми, що піднімаються Д. Галковським в процесі деконструктивістського аналізу творів В. Набокова і їх значення в контексті російської літератури ХХ – початку ХХІ ст.

Ключові слова: рефлексія, рецепція, деконструкція, інтертекстуальність, постмодернізм.

В статье рассматривается рецепция англоязычных текстов В. Набокова в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик», особенности авторской рефлексии и влияние классика на концепцию романа. Исследуются темы и проблемы, поднимаемые Д. Галковским в процессе деконструктивистского анализа произведений В. Набокова и их значение в контексте русской литературы ХХ – начала ХХІ вв.

Ключевые слова: рефлексия, рецепция, деконструкция, интертекстуальность, постмодернизм.

The article deals with the reception of V. Nabokov's English-speaking texts in D. Galkovsky's novel «Infinite deadlock». Themes and the problems lifted by D. Galkovsky in the pro-

cess of the deconstructive analysis of works of V. Nabokov and their value in the context of the Russian literature of XX – the beginning of XXI centuries are investigated.

Key words: *reflection, the reception, deconstruction, intertextuality, postmodernism.*

В. Набоков – единственный классик XX века, ряд произведений которого подвергся детальному анализу на страницах «Бесконечного тупика». Однако не только его художественные тексты, но и эссе, и вклад в русскую литературу и культуру интересуют Галковского. Это обусловлено, во-первых, самой концепцией книги: разговор о русской культуре и литературе немыслим без Набокова; во-вторых, творчество именно этого русского классика явилось той призмой, сквозь которую литература XIX в. «шагнула» в XX век. В-третьих, творчество самого Набокова предвосхитило некоторые литературные стратегии конца XX в. и таким образом оно актуализировалось на современном этапе. Эти и многие другие аспекты затрагивает Галковский в романе, делая акцент на контекстуальном анализе как самом адекватном способе рецепции творчества Набокова.

Из всего корпуса англоязычных художественных произведений классика Галковским анализируется только «Лолита» и «Бледный огонь»¹; роман «Ада, или Радости страсти» упоминается всего один раз. Из нехудожественных текстов цитируется эссе Набокова «Николай Гоголь». Этот факт объясняется, скорее, тем, что на момент написания «Бесконечного тупика» (1985–1988) не все англоязычные произведения Набокова были переведены и опубликованы в России. Даже роман «Дар» прочитан Галковским в ксерокопированной распечатке. Тем не менее, роману «Лолита» (1955) уделяется достаточно внимания и порядка десяти Примечаний посвящены анализу тем и проблем данного произведения. Что касается персонажей, то автора интересуют Гумберт и побочные линии, связанные с ним.

Симптоматично, что для анализа данного произведения Галковский выделяет тематический диапазон, на который словно «нанизывает» свой комментарий. В целом эта парадигма выглядит следующим образом:

- 1) тема разрушения «твердых определений» (Примечание №165);
- 2) тема «филологической охоты» / «литературной дуэли» (Примечания №178, 206);
- 3) тема расового преступления (Примечание №617);
- 4) тема договора с нечистой силой (Примечание №552);
- 5) тема нимфеток (Примечание №283).

Своеобразной точкой отсчета, стержнем, вокруг которого развиваются все темы, является образ Гумберта. Именно от него Галковский развивает все логические линии в процессе деконструктивистского анализа. Автор «Бесконечного тупика» избавляется от штампов и клише в восприятии произведений и потому неудивительно, что центральным персонажем «Лолиты» он видит не девочку-нимфетку и ее судьбу, а Гумберта, и в соответствии с этим выстраивает свою концепцию восприятия романа в целом: «В центре повествования трагедия человека, наделённого сознанием и высоким творческим потенциалом, но не способного вырваться из темницы реальности, то ли из-за слабости духа, то ли из-за особой крепости телесной оболочки» [1: 118]. Кроме

¹В оригинале – «Pale Fire», поэтому существует другой вариант перевода этого названия как «Бледное пламя».

того, автор обнаруживает интертекстуальные параллели с образом Гумберта и считает его лишь клеткой набоковского сознания, а в Примечании №923 также дополняет: «Несомненно, Набоков подарил Гумберту свою мечту, когда писал о его взаимоотношениях с психоаналитиком» [1: 654]. В этом контексте достаточно вспомнить высказывания Набокова о Фрейде в «Других берегах». Однако автобиографическими чертами этот образ не исчерпывается. В Примечании №165 Галковский выводит его генеалогию из подпольного человека Достоевского, но и сразу же отмечает различия: «<...> у Достоевского деваляция субъективная, а у Набокова объективная. Герой “Записок” разрушает мнения в тексте, а Гумберт Гумберт – за текстом, в голове у читателя» [1: 116].

Как уже было указано выше, одна из тем романа – это разрушение «твердых определений». Автор «Бесконечного тупика» развивает свою мысль, анализируя образ Гумберта и в результате приходит к заключению, что этому персонажу нельзя дать определение, потому что «Набоков в принципе отказывается от какой бы то ни было дидактики» [там же]. Любые трактовки, по мнению Галковского, неизбежно сузят конкретное читательское понимание этого героя. Писатель-философ вслед за Набоковым словно оправдывает его. В Примечании №178 подробно анализируется сцена «филологического убийства» Куильти Гумбертом, который предстает как не совсем обычный убийца, а точнее, совсем необычный, потому что убийство начинается с диалога, предшествующего первому выстрелу. «Гумберт настиг похитителя Лолиты, но никак не может его убить из-за зарослей языка, в которых его “я” путается и растворяется» [1: 122]. Набоков, по мысли Галковского, по-своему продолжает типично русскую традицию «литературной дуэли», под пером классика превращающуюся в «филологическую охоту» (так атрибутирована ситуация в Примечании №206).

Галковский как внимательный читатель неоднократно обращает внимание на переводчиваемость мира в «Лолите», на подвижность границ и заложенную самим Набоковым множественность интерпретаций происходящего. Так, в Примечании №552 рассматривается тема договора с нечистой силой, которая, по мнению Галковского, наиболее разработана именно в этом романе: «Гумберт, соблазненный демоном Лолитой, отдается во власть автора судьбы – Мак-Фатума. Мак-Фатум дает осуществиться его (литературным?) фантазиям, ведя своего героя к неизбежной расплате и гибели. <...> Гумберт “претворяет мечту в жизнь” более сознательно, и поэтому сам чем-то напоминает дьявола (даже внешне). Связь, таким образом, двусторонняя <...>» [1: 395]. В Примечании №617 автор, продолжая эту тему, связывает ее с еврейской, многократно затрагиваемой в «Бесконечном тупике». Поэтому его взгляд пристрастен: «для набоковских героев, причастных нечистой силе, характерна специфическая семитская внешность <...>» [1: 439]. Но в этом же контексте он явно иронизирует и подвергает деконструкции «еврейский вопрос» как таковой: «Однако в результате, пожалуй, “арийская роза” совращает простодушного семита» [там же]. Вообще сама тема нимфеток представляется Галковскому не важной, не существенной при рассмотрении романа. Ни в одном Примечании нет подробного анализа образа Лолиты (лишь в Примечании №283 он вскользь указывает, что у Набокова «проститутки всамделишные»).

Таким образом, в процессе рецепции романа «Лолита» Галковский выделяется несколько векторов, дающих направление анализу, но все они так или иначе связаны с образом главного героя, являющимся своеобразным «ключом» к пониманию и интерпретации романа.

Еще один англоязычный роман, заинтересовавший писателя, – это «Бледный огонь» (1962), структура которого схожа со структурой «Бесконечного тупика»: оба произведения представляют собой комментарий к исходному тексту (у Набокова это поэма Джона Шейда (вымышленный персонаж) «Бледный огонь»), выполняющему второстепенную роль. Согласно концепции Галковского, появление «Бледного огня» не случайно: «Набоков начал с комментариев к “Евгению Онегину”, но не смог остановиться и написал “Бледный огонь”» [1: 172]. Впрочем, аналогичную ситуацию наблюдаем и в «Бесконечном тупике», где объем комментариев в значительной степени превышает объем исходного текста. И у Набокова, и у Галковского комментарий представляет собой самостоятельный текст. Еще один аспект, близкий Галковскому в этом романе, – это ирония: «Хотя “Бледный огонь” англоязычное произведение, но ирония национального рока сделала саму структуру этой вещи гротескно русской» [1: 172]. В связи с этим романом в Примечании №270 автор пишет о 2-х видах комментариев: «Как известно, существуют два вида комментариев: герменевтика, то есть “герметический” анализ текста, строгое следование его содержанию, и экзегетика – “мысли по поводу”. Для еврейской и русской культур из-за их дуализма свойственно смешение первого и второго» [1: 176]. Антисемитизм, приписываемый Галковским Набокову, нашел отражение, по мысли автора, в этом романе: «“Бледный огонь” – это антисемитская книга, так что необыкновенно интересно прочитать комментарии еврея к этому произведению (а ведь где-то вышли наверняка)» [там же]. Замысел Галковского заключается в поиске гипертекстуальных отсылок внутри творчества классика с целью наиболее полно и широко схватить и проинтерпретировать его писательские стратегии (и таким образом постичь логику творчества).

Персонажи «Бледного огня» немногочисленны и поэтому Галковский вспоминает только о двух – Джоне Шейде и Якове Градусе. В Примечании №283 автором анализируется тема проституции в контексте набоковского творчества (выше уже цитировался фрагмент из «Лолиты»). Писатель-философ считает, что Джон Шейд спекулирует трагической смертью своей дочери. В комментариях это оправдывается творчеством, однако Галковский замечает: «Вот еще почему влекло русских писателей к теме проституции – чувство глубочайшего внутреннего родства. Но родства совершенно неосознанного» [1: 283]. В Примечании №534 автор репрезентирует более широкий контекст восприятия романа, а также образа Якова Градуса: «Тема Чичикова получила развитие в творчестве самого Набокова. В “Бледном огне” есть уподобляемый орудию дьявола персонаж, некто Яков Градус, человек темного немецко-еврейско-русского происхождения» [1: 382]. И далее следует несколько цитат из романа Набокова, в котором описывается путешествие этого героя в поисках землянского короля. Таким образом, можно констатировать факт, что сам Галковский в процессе комментирования данного романа колеблется между герменевтическим и экзегетическим типами. Умелое сочетание этих видов анализа позволяет сделать интерпретацию максимально объективной.

Еще одно произведение, но уже не художественное, о котором следует упомянуть в контексте англоязычного творчества писателя, – это его эссе² «Николай Гоголь» (1944).

²Составителями американского периода собрания сочинений Набокова жанр этого произведения обозначен как «роман-эссе» (см.: Набоков В.В. Американский период. Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. – СПб.: «Симпозиум», 2004).

Творчество Набокова-критика привлекает внимание Галковского и потому он неоднократно цитирует эссе. Оно играет важную роль в контексте культурфилософской опосредованной рецепции творчества Гоголя. Цитируя эссе, Галковский неизбежно обращает внимание на 2 аспекта, особо выделяемые Набоковым в процессе анализа гоголевского творчества:

1) бездна русского языка: «материя Гоголя – это язык» [1: 44].

2) тема черта (изначально бесёнка), в конце творчества расшифрованная в образе Чичикова.

Сам факт включения эссе «Николай Гоголь» в контекст рецептивного освоения двух классиков позволяет Галковскому не только обнаружить и подвергнуть деконструктивистскому анализу «точки пересечения» писателей, но и создать новый угол зрения на ряд тем и проблем русской литературы в целом.

Англоязычное творчество Набокова мыслится Галковским в неразрывном единстве с русскоязычным. Контекстуальный принцип анализа тематического диапазона произведений помогает автору глубже проникнуть в творческую мастерскую Набокова, а также проследить степень его влияния на русскую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галковский Д. Бесконечный тупик. Изд. 2-е / Д. Галковский. – М.: Самиздат, 1998. – 710 с.